

УДК 398.22

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-124-142

Кавказская Нартиада: опыт сравнительного исследования*

The Caucasian Nartiad: an Effort of Comparative Research

Т. М. Хаджиева (T. Khadzhieva)¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел фольклора, Институт мировой литературы им. М. Г. Горького РАН (121069, ул. Поварская 25а, г. Москва, Российская Федерация). E-mail: tanzila_@mail.ru

Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Department of Folklore, Gorkiy Institute of World Literature of the RAS (25a, Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation). E-mail: tanzila_@mail.ru

Аннотация. Нартиада — эпический памятник духовной культуры целого ряда народов Кавказа, различающихся по своему генезису, историческим судьбам, языку, традиционной культуре, — абхазов, адыгов, балкарцев и карачаевцев, осетин, ингушей и чеченцев, кумыков, сванов, рачинцев, хевсуров — на протяжении многих столетий передается из поколения в поколение.

Со второй половины XIX в. началась активная фиксация, публикация и исследование нартского эпоса в авторитетных центральных и кавказских научных изданиях. К началу XX в. был собран и опубликован огромный по объему и замечательный по своим художественным достоинствам материал по всем версиям нартского эпоса.

Сопоставление «Нартиады» с эпическими памятниками других народов, типологически сходными с нартским эпосом (русскими былинами, западноевропейскими эпосами, иранским, монгольским, армянским, карело-финским эпосом, богатырскими поэмами тюрко-монгольских народов) поможет выявить в нем и специфически-самобытное, и общее с другими эпическими традициями на разных уровнях.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ №18-012-00266 А

Ключевые слова: нартские сказания народов Кавказа, сравнительное исследование, сюжетный и мотивный состав, система образов, место Нартиады в мировом эпическом контексте.

Abstract. The *Nartiad* is an epic monument of spiritual culture inherent to a number of Caucasian peoples differing in their genesis, historical destinies, languages, and traditional cultures – the Abkhazians, Circassians, Balkars, Karachays, Ossetians, Ingushes, Chechens, Kumyks, Svans, Rachans, Khevsurians – that has been handed down from generation to generation for many centuries.

Since the mid – 19th century, the Nart sagas were actively recorded, published and studied by authoritative central and regional scientific journals. By the early 20th century, quite a bulk of materials remarkable in both volume and artistic merits had been collected and published.

The comparison of the *Nartiad* to epic monuments of other peoples with typological features similar to those of the Nart epic of the Caucasus (Russian *bylinas*, Western European, Iranian, Mongolic, Armenian, and Karelo-Finnish epics, heroic poems of Turko-Mongols) shall help reveal both original features and common ones, the latter bringing it together with other epic traditions at different levels.

Keywords: Nart sagas of the Caucasus, comparative study, plot and motif structure, system of characters, place of the *Nartiad* in the world epic context.

В мировом эпическом фонде, представленном целым рядом выдающихся эпических памятников, архаический нартский эпос занимает особое место. Этот эпический памятник духовной культуры целого ряда народов Кавказа, различающихся по своему генезису, историческим судьбам, языку, традиционной культуре, — абхазов, адыгов, балкарцев и карачаевцев, осетин, ингушей и чеченцев, кумыков, сванов, рачинцев, хевсуров — на протяжении многих столетий передается из поколения в поколение.

С включением Кавказа в состав Российской империи в начале XIX столетия в России началось активное исследование языков, традиционной культуры, этнографии, фольклора населяющих этот край народов, а со второй половины XIX в. — фиксация, публикация и исследование нартского эпоса народов Кавказа в авторитетных центральных и кавказских научных изданиях.

С конца XIX в. к общекавказской Нартиаде как к сравнительному материалу обращались многие известные ученые [Миллер 1887; Потанин 1899; Халанский 1885; Дюмезиль 1976; Мелетин-

ский 1963; 1968; Евсеев 1959; Boratav 1963; Алиева 1969; Далгат 1972; Гутов 1993; и др.]. Исследования Вс. Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, В. И. Абаева открыли в нартоведении широкую перспективу в деле изучения скифо-сарматских и аланских мотивов в мифологии и нартском эпосе осетин [Клейн 1975; Кузнецов 1980; Иваненко 2000; Туаллагов 2001; Дарчиев 2008; и др.].

В нартоведении появились и исследования, в которых рассматривались параллели Нартиады с древнеиранскими памятниками («Авеста», «Шахнаме»). Так, сравнительной характеристике «Нартиады» и «Шахнаме» посвящена монография осетинского ученого Э. Б. Сатцаева [Сатцаев 2008]. Изданы работы, в которых проводятся параллели нартских сказаний с русскими былинами [Тадевосян 2013] и армянским эпосом «Давид Сасунский» [Петросян 2012; Мартиросян 2014; Амбарцумян 2016].

В последнее время опубликовано много работ, в которых дается сопоставление нартских сказаний с западноевропейскими эпосами [Дзабаева, Исаенко 1996; Баркова 2006; Чибиров 2012; 2014; 2015; 2016; и др.]. Сравнительной характеристике Нартиады с легендой о Короле Артуре и рыцарях Круглого Стола посвящены работы зарубежных [Грисвар 2003; Литтлтон 2007; и др.] и осетинских ученых [Туаллагов 2011; и др.].

На наличие значительного количества тюрко-монгольских параллелей в общекавказской Нартиаде указывают многие ученые [Миллер 1892; Потанин 1899; Абаев 1982; Boratav 1963; Мелетинский 2004; Гуриев 1971; Холаев 1974; Хаджиева 1994; Малкондуев 2017; и др.], ибо, как известно, она «в какую-то эпоху» испытала на себе тюрко-монгольское влияние. «Сомнительно, — утверждает исследователь осетинского эпоса В. И. Абаев в своей работе «Нартовский эпос осетин», — чтобы это влияние ограничилось только несколькими собственными именами. Вместе с именами могли быть заимствованы отдельные сюжеты и мотивы. В деле выявления монголо-тюрских элементов в нартском эпосе предстоит еще большая работа» [Абаев 1982: 56].

Спецификой карачаево-балкарской версии Нартиады является то, что главная ее эпическая тема — борьба нартского племени с огромными многоголовыми людоедами-эмегенами. Эмегены — не только постоянные враги нартов, они — источник зла и хаоса на

земле. Быстро размножаясь, эти ненасытные чудовища пожирают все живое. Чтобы очистить от них землю, Бог создает нартов, которые ведут с ними непрерывную борьбу [Нарты 1994: 305]. Главным же истребителем эмегенов выступает нарт Ёрюзмек. У него, как и у других подобных ему эпических героев (Гильгамеша, Тора, Амирани, Нюргун-Боотура, героев бурятских улигеров и др.), задача одна — уничтожение чудовищ, которые нарушают мирную жизнь его племени.

Рассмотрев разновидности эпических великанов-чудовищ в национальных версиях Нартиады (осетинских уаигов, карачаево-балкарских эмегенов, адыгских иньжей, абхазских адауи, вайнахских гарбашей), мы обнаружили, что в сюжетах, которые распространены в разных версиях Нартиады, великан рисуется в русле общенартских традиций, например, в вариантах об ослеплении Ёрюзмом (Сосуруком) циклопа-великана, а в карачаево-балкарских сказаниях, которые значительно отличаются от других версий или зафиксированы только в данном эпосе, налицо разительное сходство, а иногда и совпадение образа и функций эмегенов со сказочными и эпическими чудовищами тюркских и монгольских народов — якутским абаасы и мангадхаем, монгольским мангусом, калмыцким мусом и мангасом, киргизским дёё-джалмаусом и т. п.

У многоголовых эмегенов, как и у мифологических чудовищ тюрко-монгольских народов, одна голова главная, а остальные второстепенные: когда Сосурук «отрубил у эмегена четыре не говорящие головы», тот не умер, так как его душа заключалась в пятой, говорящей голове, которую можно было отрубить только мечом самого эмегена. Здесь мотив «главной головы» неразрывно связан с мотивом «условной неуязвимости» [Неклюдов 1984: 119].

У эмегенов в цикле Дебет — Алауган — Карашауай, как и у чудовищ-людоедов эпических произведений некоторых тюрко-монгольских народов, «проявляются черты матриархального уклада жизни» [Гомбоин 1982: 48]. При описании женщин-чудовищ в обеих сравниваемых эпических традициях «подчеркиваются отвисшие груди, закинута за спину» [Неклюдов 1984: 116; Урусбиев 1881: 12]. Как и женщина-чудовище джарутско-хорчинского эпоса Гилбан Шар [Неклюдов 1984: 118], как и мифологический персонаж ада, согласно представлениям монгольских народов,

женщины-эмегенши пожирают своих новорожденных детей (жена Алаугана, прабабка эмегенов).

Если в других национальных версиях Нартиады матриархальные черты присущи только Сатанай, то в эпосе балкарцев и карачаевцев эти черты характерны и для эмегенш. Только в исследуемом эпосе фигурирует образ прародительницы эмегенов [Нарты 1994: 592–596]. Архаические черты образа прабабки эмегенов, подробное, впечатляющее описание других эмегенш (жена Алаугана и ее мать, эмегенша из сказания «Сыновья Дебета и дочери эмегенши») [Нарты 1994: 396–399], характерные только для карачаево-балкарского эпоса, дают основание считать их трактовку реминисценцией древней тюрко-монгольской эпикой, так как «мать чудовищ — обязательный персонаж в эпосе бурят, якутов, алтае-сайских народностей» [Мелетинский 2004: 396].

То, что сюжетобразующие мотивы сказания «Добывание нартом Сосуруком огня» (игры Сосурука с великаном, смерть от своего оружия, предсмертная хитрость великана и др.) традиционны не только для общекавказской Нартиады, но широко представлены и в эпической традиции некоторых тюрко-монгольских народов, указаны В. В. Радловым, Г. Н. Потаниным, П. Н. Боратовым.

В публикации В. В. Радлова «Ак-Кобэк», кроме мотива предсмертной хитрости великана, встречаются яркие параллели к мотиву игр Сосурука с великаном: «Из войска Кидэна выходит на бой с Ак-Кобэком богатырь Салар-Казан. Ак-Кобэк не открылся ему, выдал себя за повара Ак-Кобэка. Салар-Казан узнает от него, на какие чудотворства способен Ак-Кобэк, и два указанных чуда тотчас же исполняет: жует раскаленные стрелы и выплевывает, принимает на голову скатанный с горы камень. Третье чудо мнимый повар описал так: Ак-Кобэк входит в воду, я замораживаю воду, образуется лед в шесть сажень толщиной, Ак-Кобэк поднимает лед и относит на вершину горы. Салар-Казан садится в воду по шею, Ак-Кобэк замораживает лед и только тогда открывает Салар-Казану свое имя; Салар-Казан не может поднять льда. Ак-Кобэк отрубает ему голову» (цит. по: [Потанин 1899: 669]).

В своем примечании к этому тексту Г. Н. Потанин писал: «В кавказской сказке о Сосырыко великан глотает раскаленное железо, катает камень в гору и замерзает в озере <...> Сосырыко

на месте Ак-Кобэка, великан отвечает Салар-Казану (вар. Самыр-Казан)» [Потанин 1899: 670].

В работе «Тангутско-Тибетская окраина Китая» Г. Н. Потанин, отметив параллель между Сосуруком и Ак-Кобэком, приводит еще ряд параллелей к сказаниям о Сосуруке и к другим циклам нартского эпоса из степного фольклора [Потанин, 2 1893: 121–125].

Известный турецкий фольклорист П. Н. Боратав отмечает в одной из своих работ, что опубликованные В. В. Радловым в сборнике «Proben...» тексты составляют небольшой эпический цикл вокруг центрального персонажа Ак-Кёбёка, а также подчеркивает, что сказания об этом герое бытуют в фольклоре «многих тюркоязычных народов Средней Сибири и Алтая» [Boratav 1963: 86]. Предметом его исследования является мотив «игры героя с великаном», который, как мы отметили выше, традиционен не только для тюркской, но и кавказской эпической традиции. «В южно-сибирских и алтайских повествованиях, которые мы проанализировали, — пишет П. Н. Боратав, — имеется поразительное сходство с некоторыми рассказами эпического цикла нарттов, общего для многих нетюркских народов Кавказа» [Boratav 1963: 86]. Далее для сравнительного анализа он привлекает 17 вариантов сказаний о нарте Сосруке / Созрыко / Сослане из кавказского героического эпоса «Нарты» (одно из этих сказаний, записано им самим в 1960 г. в деревне Язылык от карачаевца Идриса Айя) и четыре радловских текста об Ак-Кёбёке [Boratav 1963: 86–97]. В Приложении он дает три карачаевских сказания о нартском богатыре Сосруке [Boratav 1963: 98–105].

П. Н. Боратав в своей статье обращается и к сюжету борьбы Сослана / Созрыко с Тотырадзом. «В осетинской версии Сослан выступает против Тотыраджа, сына Алымбега. В самом начале битвы Тотырадж подцепляет Сослана копьём и так ходит с ним до вечера. Сослан умоляет отпустить его, и его соперник соглашается, с тем чтобы вновь встретиться для битвы недель позже. <...> Это же происшествие можно обнаружить в обеих тюркских версиях: Ак-Кёбёк, тюркское соответствие Сослану/Созрыко, также пронзен копьём врага; тот удерживает его подвешенным на копьё, но Ак-Кёбёку удается освободиться при помощи хитрости. <...> С другой стороны, как и в осетинском повествовании, оба против-

ника также решают встретиться через неделю, чтобы вновь сразиться» [Boratav 1963: 93].

Как известно, волк был одним из тотемов тюрко-монгольских народов. В их эпосе «волк выступает то родоначальником, то кормильцем и воспитателем...» [Липец 1981: 120]. Реликты почитания волка мы находим и в нартском эпосе. Например, в карачаево-балкарской версии Нартиады предводитель нартов Ёрюзмек, по некоторым вариантам, вскормлен волчицей; одним из его постоянных атрибутов является волчья шуба — символ причастности его к волкам. Волчья шуба Ёрюзмека выступает и символом его власти и силы, и знаком, отличающим его от других нартов как предводителя нартов, патриарха племени. Если в древности изображение волка имелось на знаменах тюркских племен, отмечает Р. С. Липец, то позднее изображение волчьей головы стали носить вожди племени, ханы и т. д. Этот знак был символом их власти, избранности.

В некоторых осетинских вариантах, посвященных борьбе Сослана с Татрадзом, как и в адыгских сказаниях на этот сюжет, Сатана увещивает коня Сослана колокольчиками или разноцветными лоскутками (ср. с шаманским плащом). А в сказании «Как убили Хамыца, Батразова отца», по совету колдуньи, волчью шубу на шею своего коня вешает один из врагов нартов — малик из города Тынта, чтобы испугать «Хамыцева коня — чертово отродье» [Миллер, 1 1881: 258–259].

Древние верили, что человек, облаченный в шкуру тотемного животного, как бы перевоплощается в него. Ярким свидетельством этого служат нартские песни и сказания о встрече Ёрюзмека с шайтанами. Предки балкарцев и карачаевцев считали, что шайтаны при желании могут быть невидимыми для всех живых существ на земле, кроме волков, и что последние всегда подстерегают и съедают новорожденных шайтанов [Нарты 1994: 580]. Поэтому у балкарцев и карачаевцев любые атрибуты с тела волка, главного врага шайтанов, — самый действенный оберег от нечистой силы. Вот почему при встрече Ёрюзмека с пляшущими шайтанами его шуба наводит на них неопиcуемый ужас. Их страх настолько велик, что они табуируют даже словосочетание «волчья шуба» и заменяют ее словом «желпегей» (‘то, что носится внакидку’), и, «настаивая на том, чтобы Ёрюзмек снял ее, они добиваются, чтобы

нарт снова обрел свою человеческую сущность, а следовательно, и уязвимость» [Батчаев 1986: 122].

Мотив пляски героя с нечистой силой популярен и в фольклоре тюрко-монгольских народов. Так, в «Джангаре», как и в сказаниях об Ёрюзмеке, «шулмусы выступают <...> в образе красивых девушек <...> которые своими чарами пытаются отвлечь богатыря Джангара...» [Никифоров 1915: 112]. Шулмусы стараются обмануть и обессилить и другого героя Джангариады — Хонгора [Джангар 1990]. Мотив участия героя в веселье с нечистой силой имеет место и в фольклоре алтайских народов.

В сказаниях народов Кавказа ряд мотивов, связанных с вещами богатырскими конями нартских героев, имеют параллели в эпосе тюркских и монгольских народов, в котором они традиционны и детально разработаны. В отличие от других версий нартского эпоса, в карачаево-балкарской, наряду с прозаическими текстами, имеется и ряд песен, посвященных Гемуде, «трехногому, медноухому, булатнокопытному» коню нарта Карашауая [Нарты 1994: 437–441], которые, возможно, восходят к жанру «хвалы коню», имеющему широкое распространение в эпической традиции тюрко- и монголоязычных народов [Липец 1984: 228]. Чудесно и происхождение Гемуды — от морских коней. Морские кони традиционны и для эпоса тюрко-монгольских народов. Например, «в башкирском эпосе популярен древний мифологический сюжет о водяных конях <...> и об их вожаке Ак-Бузате...» [Липец 1984: 125]. Из морских коней произошел и крылатый конь Кёр-оглы — Гырат. О чудесных морских лошадях, встречающихся в фольклоре тюрков и монголов, упоминают в своих работах Г. Н. Потанин, В. А. Гордлевский [Потанин 1893: 125; и др.].

Значительное число сказаний в цикле о Карашауае посвящено его победе на скачках нартов. Варианты этой сюжетной группы и сказание «Как нарт Карашауай женился на дочери могущественного падишаха» [Нарты 1994: 477–482] обнаруживают разительное сходство с эпосом некоторых тюрко-монгольских народов (подробнее см.: [Жирмунский 1974: 279, 301; Суразаков 1985: 193, 194]). Особенно много параллелей к циклу Карашауая мы выявили в алтайском эпосе «Маадай-Кара» [Суразаков 1985: 166–217].

Во всех версиях кавказской «Нартиады» нарт Сосурук — сын камня. Мотив петрогенеза характерен не только для нартских сказаний: в хетто-хурритском эпосе бог Кумарби порождает каменного богатыря Улликуммена, в иранских мифах из камня рождаются Митра и его сын и т. д. Мотив «рождение из камня» популярен и в фольклоре тюрко-монгольских народов [Алтын-Арыг 1988; Пухов 1962; и др.].

В карачаево-балкарском сказании о рождении Сосурука говорится, что Сатанай, извлекая Сосурука из камня и перерезая ему пуповину, совершает магический обряд и при этом заклинает Тейри Неба, Тейри Земли, Тейри Воды и Тейри Огня: «Сделайте его настоящим нартом: пусть его не берут ни меч, ни стрела! Пусть всегда побеждает он своих врагов!» [Нарты 1994: 365].

Набрав воды из родников семи гор и полоща ею рот малыша, она говорит: «Эти семь гор твои матери, я прополоскала их молоком твой рот» [Нарты 1994: 365].

В эпосе тюркоязычных народов формула неуязвимости героя, пишет В. М. Жирмунский, встречается не только при описании различных качеств богатыря. Так, например, в казахской богатырской сказке «Хан Шентей» «формула повторяется в благословении героя матерью; в „Эркем-Айдаре“ — в заклятии его сестры-волшебницы: „Если стреляют — пусть ружье не пронзит тебя, если мечом ударят — пусть не пронзит тебя“» [Жирмунский 1974: 243].

Такое же заклинание произносит над одноглазым циклопом Депе-Гёзом и в огузском эпосе его мать, сказочная дева-пери [Жирмунский 1974: 243] (об этом см. и работу И. В. Пухова [Пухов 1962: 62–63]).

В фольклоре многих народов мира встречаются чудесные сосуды, дарующие своим обладателям жизнь и изобилие. Так, в кельтской мифологии король Дагды имеет неисчерпаемый котел, «от которого никто не отходил, не насытившись» [Широкова 2004: 88]; ирландский король Кормак в Ином Мире увидел котел, который готовил пищу только при условии, если ему рассказывали правдивые истории [Исландские саги 1973: 459]. Кормак владеет и золотой чашей, которая раскалывается от ложных слов, а когда произносят слова правды, она тут же обретает свой прежний вид [Исландские саги 1973: 459]; волшебное Сампо в карело-финской

мифологии, являющееся источником благополучия и изобилия и т. д. Все эти чудесные предметы большинство исследователей соотносят со святым Граалем [Широкова 2004: 88].

И в нартском эпосе народов Кавказа чаши, котлы и различные напитки играют большую роль. Так, в осетинской версии Нартиады, когда нарты во время пира «начинают похвастаться своими подвигами», чаша Уацамонга «найдя истинного героя, сама поднимается к его устам» [Нарты, 3 1989–1991: 72].

В карачаево-балкарском же сказании «Рачикау», опубликованном в 1881 г. С.-А. Урусбиевым, говорится, что во время пира нартов «каждый из них рассказывал про самый замечательный подвиг, совершенный им в своей жизни. При этом у них был бочонок „Агуна“, который наливался до половины питьем, и если рассказ о подвиге, совершенном рассказывавшим, был правдив, то после рассказа, этот бочонок сам собой наполнялся и три раза переливался через край» [Нарты 1994: 516].

В сказании «Золотой ковш нартов» читаем: «Время нартов было счастливым временем для рода человеческого. <...> Красивые, отважные, благородные, трудолюбивые нарты никому не причиняли зла. Они <...> охраняли свои земли и скотину, своих родных. <...> Нартам во всем помогал <...> золотой ковш. Тому, кто пил воду из этого ковша, он давал силу, мужество и мудрость. Ковш с водой сам поднимался ко рту правдивого, хорошего человека, а обманщиков, нечестных он даже близко к себе не подпускал» [Нарты 1994: 590–592].

Враг нартского племени Иблис украл Золотой ковш нартов и спрятал его на небе. «Золотой ковш находится в середине неба, в семи днях пути на коне от Большой Медведицы. Нарты, оставшись без золотого ковша, потеряли свою силу. Иблис посеял между ними жадность, лень и коварство. Нарты старались не поддаваться всему этому, но не выдержали. <...> Между ними появились отчужденность и вражда. Враждуя друг с другом, они обессилели, и многие из них погибли. А некоторые из них превратились в горы. Их имена известны и поныне. Это — Эльбрус, Мусса-Ачитара, Тегин, Казбек, Машук, Ушта.

Судя по рассказам стариков, у самой красивой горянки родится богатырский сын. Он извлечет из-под разрушенных стен нартской

крепости Амгата лук нартов и собьет с небес [тот] золотой ковш. Говорят, что, когда он упадет на землю, люди выпьют из него воду нартов, и опять будут понимать друг друга, и будут жить в мире и согласии» [Нарты 1994: 590–592].

В сказании «Как вошло зло в нартовский род» старший сын нартского кузнеца Златоликого Дебета — Алауган, как и нарт Ёрюзмек, выступает неутомимым истребителем великанов-эмегенов. Когда он на своем боевом коне Гемуде в очередной раз преследовал этих чудовищ, увидел, что:

...в пещере под обрывом
Притаились трое великанов:
Старик с сыном прячут котел древний, закопченный,
Не велик котел и не мал: сорок быков в нем сварится;
С сорока котел медными ушками,
А старуха вход в пещеру зашивает;
Камень с камнем сшивает, иглой быстро тачает, —
А игла-то с вековую сосну...
Гемуда говорит своему хозяину :
— Ты меня нагрузи дорогой добычей —
Тем котлом с сорока медными ушками,
Что старик-эмеген в пещере спрятал.
В тот котел и мяса класть не надо:
Лишь водой налить да огонь разложить, —
Сорока быков наполнится он мясом.
И покуда в доме Алигата —
В доме старшего над нартами рода —
На святой цепи котел висит прикован,
Будет крепко племя славных нартов,
Да и голода мук не узнает. [Нарты 1994: 408].

Мотив добычи котла в упорной борьбе с великанами разработан и в «Старшей Эдде»: Тор уносит из пещеры великана Хюмира громадный котел для варки пива, перебив ударами своего волшебного молота всех преследовавших его ледяных великанов [Мифы 2005: 195].

В кельтской (ирландской) мифологии о мече короля Нуаду говорится: «Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уже не мог от него уклониться, и удар его невозможно было отразить» [Широкова 2004: 88]. Этим же свойством обладает волшебный

меч Сырпын нарта Ёрюзмека: «Мой меч не обнажается без того, чтобы он не уничтожил врагов», — предупреждает он на «пиру с западней» своих зложелателей. Когда же те, чтобы как-нибудь взять у него меч, начали (снова) упрашивать показать им знаменитый Сырпын, он со словами: «„Я должен вас предупредить, что мой Сырпын <...>, если раз выйдет из ножен, то уже не войдет обратно даром!“ — размахнулся и одним ударом перерубил цепь, на которой висел котел, с варящимися сорока бугаями. Котел опрокинулся, и все находившееся в нем вылилось на пол <...>, а Урызбек начал рубить направо и налево и уложил на месте своих врагов» [Нарты 1994: 335].

Говоря о схожих сюжетах Нартиады, ирландского средневекового эпоса и скандинавских саг, Л. А. Чибиров пишет: «Весьма существенны параллели между сослановским циклом и ирландскими сагами, между Сосланом и Кухулином. <...> Без преувеличения Кухулин — ирландский двойник Батрадза. <...> Не менее ярки параллели между Кухулином и Брикриу с Сосланом и Сырдоном» [Чибиров 2014: 99].

Типологическую близость нартского эпоса и карело-финской «Калевалы» отмечали в своих работах В. Я. Евсеев [Евсеев 1959], Е. М. Мелетинский [Мелетинский 1963], В. И. Абаев [Абаев 1982] и др.

Анализируемый материал показывает, что все версии Нартиады имеют много общего не только между собой, но и с эпическими памятниками других народов. Конечно, чаще всего трудно определить, взаимообмен это, заимствование или свидетельство о генетическом родстве? Например, сопоставительный анализ нартских песен и сказаний с эпосом тюркских народов выявил ряд параллелей, связанных с их эпическими героями. Так, традиционный мотив рождения героя от престарелого отца и мотив тайного воспитания богатырского младенца после гибели его отца, месть юного героя за смерть своего отца, мотив «пира с западней», «маг-тала-восхваления», столь характерные для многих тюрко-монгольских эпосов, в «Нартиаде» разработаны в тюрко-монгольских эпических традициях.

Литература

- Абаев 1982 — *Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1982. 106 с.
- Алиева 1969 — *Алиева А. И.* Адыгский нартский эпос. М.; Нальчик: Эльбрус, 1969. 168 с.
- Алтын-Арыг 1988 — Алтын-Арыг. Хакассский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
- Амбарцумян 2016 — *Амбарцумян А. А.* О некоторых эпико-мифологических мотивах армянского и карачаево-балкарского эпосов (на примере «Давида Сасунского» и Нартиады) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2016. № 3 (03). С. 34–43.
- Баркова 2006 — *Баркова А. М.* Гуннар в змеином рву: исландско-осетинские параллели // Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения. Владикавказ: Ир, 2006. 283 с.
- Басилов 1996 — *Басилов В. Н.* Слепые в кавказском и среднеазиатском фольклоре. (Дополнение к статье Ж. Дюмезиля) // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 94–109.
- Батчаев 1986 — *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986. 150 с.
- Гомбоин 1982 — *Гомбоин Д. Д.* Образы зоантропоморфных врагов в эрхит-булгатских улигерах // Поэтика жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1982. 109 с.
- Грисвар 2003 — *Грисвар Ж.* Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ: Ир, 2003. 196 с.
- Гуриев 1971 — *Гуриев Т. А.* К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса (о монгольских влияниях). Орджоникидзе: Ир, 1971. 169 с.
- Гутов 1993 — *Гутов А. М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 207 с.
- Далгат 1972 — *Далгат У. Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.: Наука, 1972. 469 с.
- Дарчиев 2008 — *Дарчиев А. В.* Скифский военный культ и его следы в осетинской Нартиаде. Владикавказ: Ир, 2008. 306 с.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий народный эпос. М.: Наука, 1990. 480 с.
- Дзабаева, Исаенко 1996 — *Дзабаева И. Х., Исаенко А. В.* Скандинавские мотивы в осетинских нартских сказаниях // История и философия культуры: актуальные проблемы. Сб. науч. тр. Вып. 1. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1996. С. 72–77.
- Дюмезиль 1976 — *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.

- Евсеев 1959 — *Евсеев В. Я.* О типологической близости карело-финского и нартского эпоса // Вопросы литературы и народного творчества. Вып. 20. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. С. 37–40.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
- Иванеско 2000 — *Иванеско А. Е.* Историческая информативность осетинского нартского эпоса. Скифо-сарматский период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2000. 26 с.
- Исландские саги 1973 — Исландские саги. Ирландский эпос. М.: Худ. лит., 1973. 864 с.
- Клейн 1975 — *Клейн Л. С.* Легенда об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // Вестник древней истории. 1975. № 4. С. 14–27.
- Кузнецов 1980 — *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 139 с.
- Липец 1981 — *Липец Р. С.* Лицо волка благословенно (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 121–134.
- Липец 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 266 с.
- Литтлтон 2007 — *Литтлтон К. Скотт, Малкор Линда А.* От Скифии до Камелота. М.: Менеджер, 2007. 491 с.
- Малкондуев 2017 — Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Принт Центр, 2017. 148 с.
- Мартirosян 2014 — *Мартirosян Г. К.* Одно наблюдение о Хаче Патрази // Армянский эпос и всемирное эпическое наследие. Мат-лы IV Междунар. конф. Ереван: Изд-во Академии наук, 2014. С. 54–60. (на арм. яз.).
- Мелетинский 1963 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М.: Наука, 1963. 462 с.
- Мелетинский 1968 — *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 367 с.
- Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2004. 460 с.
- Миллер 1892 — *Миллер В. Ф.* Кавказско-русские параллели. Экскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII. Приложение. М.: А. А. Левенсон, 1892. XII, 232, 2, 69 с.
- Миллер 1881–1887 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. В 3-х ч. М.: Имп. Моск. ун-т, 1881. [2], 164, III с. М.: Имп. Моск. ун-т, 1882. [4], VIII, 302, II с. М.: Имп. Моск. ун-т, 1887. VIII, 216 с.
- Мифы 2005 — Мифы древней Скандинавии. М.: Астрель, АСТ, 2005. 464 с.

- Нарты 1989–1990 — Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1. М.: Наука, 1989. 435 с.; Кн. 2. М.: Наука, 1990. 499 с.; Кн. 3. М.: Наука, 1991. 179 с.
- Нарты 1994 — Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 657 с.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. 316 с.
- Никифоров 1915 — *Никифоров Н. Я.* Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общ-ва. Омск: [б. и.], 1915. Т. XXXVII. 309 с.
- Петросян 2012 — *Петросян А. Е.* Соотношение армянского и северо-кавказско-нартского эпоса // Армянский эпос и всемирное эпическое наследие. Мат-лы III междунар. конф. Ереван: Изд-во Академии наук РА, 2012. С. 8–51. (на арм. яз.).
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Ч. 4. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883, 1052 с.
- Потанин 1893 — *Потанин Г. Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 2. СПб.: Имп. Рус. геогр. общ-во, 1893. 568 с.
- Потанин 1899 — *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Географическое отделение Имп. Общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899. 894 с.
- Пухов 1962 — *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 256 с.
- Сатцаев 2008 — *Сатцаев Э. Б.* Нартский эпос и иранская поэма «Шахнаме» (Схожие сюжетные мотивы). Владикавказ: Ир, 2008. 156 с.
- Суразаков 1985 — *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. М., Наука, 1985. 256 с.
- Тадевосян 2013 — *Тадевосян Т. В.* Семантические параллели фольклорных архетипов. Русские былины и осетинский нартский эпос. Владикавказ: Ир, 2013. 143 с.
- Туаллагов 2001 — *Туаллагов А. А.* Скифо-сарматский мир и нартский эпос осетин. Владикавказ: Ир, 2001. 315 с.
- Туаллагов 2011 — *Туаллагов А. А.* Меч и фандыр (Артуриана и нартский эпос осетин). Владикавказ: Ир, 2011. 275 с.
- Урусбиев 1881 — *Урусбиев С.-А.* Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1881. Вып. I. Отд. 2. С. 1–42.
- Хаджиева 1994 — *Хаджиева Т. М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. С. 8–65.

- Халанский 1885 — *Халанский М. Г.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава: в тип. М. Зенкевича, 1885. 235 с.
- Холаев 1974 — *Холаев А. З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1974. 143 с.
- Чибиров 2012 — *Чибиров Л. А.* Об индоевропейских истоках осетинских нартовских сказаний // *Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации*: сб. науч. тр. Вып. 1. Владикавказ: Ир, 2012. С. 33–72.
- Чибиров 2014 — *Чибиров Л. А.* «Нартиада и эпос народов северо-западной Европы: Параллели и их исторические корни // *Вестник Российской Академии наук*. 2014. № 4. С. 96–101.
- Чибиров 2015 — *Чибиров Л. А.* Историческая основа параллелей осетинских сказаний о нартах и скандинавских саг // *Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации*: сб. науч. тр. Вып. 3. Владикавказ: Ир, 2015. С. 84–93.
- Чибиров 2016 — *Чибиров Л. А.* Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 464 с.
- Широкова 2004 — *Широкова Н.* Мифы кельтских народов. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. 432 с.
- Borataş 1963 — *Borataş Pertev N.* Ak-Köbök, Salur-Kazan et Sosurga. Un Motif de l'épopée oghouz et son rayonnement en Anatolie, au Caucase et en Asie Centrale par Pertev N. Borataş. *l'Homme. «Revue, française d'anthropologie»*. January–April 1963. Pp. 86–105. (На франц.)

References

- Abaev V. I. Nart sagas of the Ossetians. Tskhinvali: Iryston, 1982. 106 p. (In Russ.)
- Alieva A. I. Nart sagas of the Adyghe people. Moscow; Nalchik: Elbrus, 1969. 168 p. (In Russ.)
- Altyn-Aryg: a Khakass heroic epic. Moscow: Nauka, 1988. 592 p. (In Russ.)
- Ambartsumyan A. A. On epic-mythological motifs of the Armenian and Karachay-Balkar epics (inspired by 'David of Sassoun' and the 'Nart' epic). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*. Ser. 'Epic Studies'. 2016. No. 3 (03). Pp. 34–43. (In Russ.)
- Barkova A. M. Gunnar in the Snake Pit: Icelandic-Ossetian parallels revisited. *B. A. Alborov i problemy kavkazovedeniya*. Vladikavkaz: Ir, 2006. 283 p. (In Russ.)
- Basilov V. N. The blind in Caucasian and Central Asian folklore traditions (a supplement to G. Dumezil's article). *Etnograficheskoe obozrenie*. 1996. No. 5. Pp. 94–109. (In Russ.)
- Batchaev V. M. Excerpts from the history of traditional Karachay-Balkar culture. Nalchik: Elbrus, 1986. 150 p. (In Russ.)

- Boratav Pertev N. Ak-Köbök, Salur-Kazan and Sosurga. One motif of the Oghuz epic and its dissemination in Anatolia, the Caucasus and Central Asia: a case study by Pertev N. Boratav. I'Homme. «Revue, française d'anthropologie». January–April 1963. Pp. 86–105. (In Fr.)
- Chibirov L. A. Ossetian Nart tales: Indo-European beginnings revisited. *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii*. Coll. papers. Is. 1. Vladikavkaz: Ir, 2012. Pp. 33–72. (In Russ.)
- Chibirov L. A. Narta epos and the epos of Northwestern Europe peoples: parallels and their historical roots. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. 2014. No. 4. Pp. 96–101. (In Russ.)
- Chibirov L. A. Ossetian Nart tales and Scandinavian sagas: a historic basis of parallels. *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii*. Coll. papers. Is. 3. Vladikavkaz: Ir, 2015. Pp. 84–93. (In Russ.)
- Chibirov L. A. The Ossetian Nartiad: mythological roots and areal ties. Vladikavkaz: Ir, 2016. 464 p. (In Russ.)
- Dalgat U. B. The Chechen-Ingush heroic epic: a case study and texts. Moscow: Nauka, 1972. 469 p. (In Russ.)
- Darchiev A. V. The Scythian military cult and its traces in Ossetian Nart sagas. Vladikavkaz: Ir, 2008. 306 p. (In Russ.)
- Dzabaeva I. KH., Isaenko A. V. Scandinavian motifs in Ossetian Nart sagas. *Istoriya i filosofiya kul'tury: aktual'nye problemy*. Coll. papers. Is. 1. Vladikavkaz: North Ossetian State Univ., 1996. Pp. 72–77. (In Russ.)
- Dzhangar: the Kalmyk heroic epic. Moscow: Nauka, 1990. 480 p. (In Russ.)
- Dumezil G. The Ossetian epic and mythology. Moscow: Nauka, 1976. 276 p. (In Russ.)
- Evseev V. Ya. The Karelo-Finnish epic and Nart sagas: typological proximity revisited. *Voprosy literatury i narodnogo tvorchestva*. Is. 20. Petrozavodsk: State Publ. House of Karelian ASSR, 1959. Pp. 37–40. (In Russ.)
- Gomboin D. D. Uligers of the Erkhiti-Bulaghats: images of zoo-anthropomorphic enemies. *Poetika zhanrov buryatskogo fol'klora*. Ulan-Ude: Buryat Affiliated Research Institution (Sib. Branch of USSR Acad. of Sc.), 1982. 109 p. (In Russ.)
- Grisvar Zh. A motif of the sword thrown into the lake: deaths of Arthur and Batraz. *Epos i mifologiya osetin i mirovaya kul'tura*. Vladikavkaz: Ir, 2003. 196 p. (In Russ.)
- Guriev T. A. Nart sagas of the Ossetians: the issue of genesis revisited (examining a suggested Mongolic impact). Ordzhonikidze: Ir, 1971. 169 p. (In Russ.)
- Gutov A. M. Nart sagas of the Adyghe people: poetics and typology. Moscow: Nauka, 1993. 207 p. (In Russ.)

- Ivanenko A. E. A historical informative value of Ossetian Nart sagas: Scytho-Sarmatian period. A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 2000. 26 p. (In Russ.)
- Icelandic sagas. The Icelandic epic. Moscow: Khud. Lit., 1973. 864 p. (In Russ.)
- Khadzhieva T. M. Nart sagas of the Karachay-Balkars. *Narty: Geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev*. Moscow: Nauka, 1994. Pp. 8–65. (In Russ.)
- Khalansky M. G. Great Russian bylinas of the Kievan Cycle. Warsaw: M. Zenkevich, 1885. 235 p. (In Russ.)
- Kholaev A. Z. Nart sagas of the Karachay-Balkars. Nalchik: Elbrus, 1974. 143 p. (In Russ.)
- Kleyn L. S. A legend about Asian roots of the Scythians and Nart sagas. *Vestnik drevney istorii*. 1975. No. 4. Pp. 14–27. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. The Nart sagas and some aspects of Ossetian ethnic history. Ordzhonikidze: Ir, 1980. 139 p. (In Russ.)
- Lipets R. S. The Face of the Wolf be Sacred (The epic and genealogical legends of Turko-Mongols: stadial changes in the image of the wolf). *Sovetskaya etnografiya*. 1981. No. 1. Pp. 121–134. (In Russ.)
- Lipets R. S. The epic of Turko-Mongols: images of the Baatar (hero) and his war-horse. Moscow: Nauka, 1984. 266 p. (In Russ.)
- Littleton C. Scott, Malcor Linda A. From Scythia to Camelot. Moscow: Menedzher, 2007. 491 p. (In Russ.)
- Malkonduev Kh. Kh. Nart sagas of the Karachay-Balkars. Nalchik: Print Tsentr, 2017. 148 p. (In Russ.)
- Martirosyan G. K. An observation regarding Khach Patrazi. *Armyanskiy epos i vseмирnoe epicheskoe nasledie*. Conf. proc. Erevan: Nat. Acad. of Sc. of Armenia, 2014. Pp. 54–60. (In Arm.)
- Meletinsky E. M. Origins of the heroic epic. Moscow: Nauka, 1963. 462 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Edda and early epic forms. Moscow: Nauka, 1968. 367 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Origins of the heroic epic: early forms and archaic monuments. 2nd ed. Moscow: Vost. Lit., 2004. 460 p. (In Russ.)
- Miller Vs. F. Caucasian-Russian parallels: insights into the Russian folk epic. I–VIII. Supplement. Moscow: A. A. Levenson, 1892. XII, 232, 2, 69 p. (In Russ.)
- Miller V. F. Ossetian sketches. In 3 parts. Moscow: Imp. Mosc. Univ., 1881. [2], 164, III p. Moscow: Imp. Mosc. Univ., 1882. [4], VIII, 302, II p. Moscow: Imp. Mosc. Univ., 1887. VIII, 216 p. (In Russ.)

- Myths of Ancient Scandinavia. Moscow: Astrel', AST, 2005. 464 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. The heroic epic of Mongolic peoples. Moscow: Nauka, 1984. 316 p. (In Russ.)
- Nikiforov N. Ya. Altaian fairy tales collected around the village of Anos. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obsch-va.* Omsk, 1915. Vol. XXXVII. 309 p. (In Russ.)
- Petrosyan A. E. The Armenian epic and North Caucasian Nart sagas: internal relations revisited. *Armyanskiy epos i vsemirnoe epicheskoe nasledie.* Conf. proc. Erevan: Nat. Acad. of Sc. of Armenia, 2012. Pp. 8–51. (In Arm.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Part 4. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883, 1052 p. (In Russ.)
- Potanin G. N. The Tangut-Tibetan peripheries of China and Central Mongolia. Vol. 2. St. Petersburg: Imp. Rus. Geogr. Soc., 1893. 568 p. (In Russ.)
- Potanin G. N. Oriental motifs in the medieval European epic. Moscow: Geographical Dept., Imp. Society of Natural Sc., Anthropol. and Ethnogr., 1899. 894 p. (In Russ.)
- Pukhov I. V. The Yakut heroic epic of Olonkho: hey characters (images). Moscow: USSR Acad. of Sc., 1962. 256 p. (In Russ.)
- Sattsaeve E. B. The Nart epic and the Iranian Shahnameh: similar motifs. Vladikavkaz: Ir, 2008. 156 p. (In Russ.)
- Shirokova N. Myths of Celtic peoples. Moscow: AST, Astrel', Tranzitkniga, 2004. 432 p. (In Russ.)
- Surazakov S. S. The Altaian heroic epic. Moscow: Nauka, 1985. 256 p. (In Russ.)
- Tadevosyan T. V. Russian bylinas and Nart sagas of the Ossetians: semantic parallels of folklore archetypes. Vladikavkaz: Ir, 2013. 143 p. (In Russ.)
- The Narts: a heroic epic of the Ossetians. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1989. 435 p.; Vol. 2. Moscow: Nauka, 1990. 499 p.; Vol. 3. Moscow: Nauka, 1991. 179 p. (In Russ.)
- The Narts: a heroic epic of the Karachay-Balkars. Moscow: Nauka, 1994. 657 p. (In Russ.)
- Tuallagov A. A. The Scytho-Sarmatian world and Nart sagas of the Ossetians. Vladikavkaz: Ir, 2001. 315 p. (In Russ.)
- Tuallagov A. A. The Sword and the Fandyr: the epic of King Arthur and Nart sagas of the Ossetians. Vladikavkaz: Ir, 2011. 275 p. (In Russ.)
- Urusbiev S.-A. The highland Tatars (Turkic-speaking populations) inhabiting Pyatigorsk District of Terek Oblast: tales of Nart heroes. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza.* 1881. Is. I. Part 2. Pp. 1–42. (In Russ.)
- Zhirumsky V. M. The Turkic heroic epic. Leningrad: Nauka, 1974. 727 p. (In Russ.)